

Александр-Пьер-Жорж Гитри родился 20 февраля 1885 года, а умер 20 июля 1957 года от последствий полинефрита и попытки самоубийства. Человек, которого называли просто Саша, прожил 72 года и всю жизнь оставался артистом, до мозга костей. И хотя он не принадлежал к породе кошачьих, оставленное им наследие позволяет предположить, что Саша Гитри, как кошка, небо даровало девять жизней.

Его отец Люсьен Гитри, священный монстр сцены и основатель "Шантеклера", был мужским аналогом Сары Бернар. Когда ему впервые показали новорожденного сына, он заметил: "Это, конечно, тоже чудовище. Но его будут любить". Дело происходило в Санкт-Петербурге, где Люсьен выступал по приглашению царя Александра Третьего, в честь которого и назвали новорожденного "чудовищем". Родившийся в золоте Романовых и с детства внимавший зычному актерскому голосу папаша, Саша очень быстро стал полноценным Гитри.

До 1 июня 1925 года, дня, когда умер Люсьен, Гитри-отец и Гитри-сын играли в кошки-мышки. Есть что-то символическое в том, что Старший умер тогда, когда Младшему исполнилось 40 лет: он, словно уступил ему место и позволил стать единственным Гитри на театральном небосклоне. Впрочем, Саша вовсе не дожидаясь зрелого возраста, чтобы стать Гитри. Отец допустил ошибку, заказав любимому отпрыску понравившиеся ему сценические костюмы детских размеров, а затем похитив его у матери и увезя с собой на гастроли, кульминацией коих для Саша стало выступление перед царем всея Руси в пятилетнем возрасте.

Очень быстро Гитри-старший начал замечать, что на фоне сынишки он все чаще отступает в тень. Он попытался закрыть для него возможность театральной карьеры и отказался давать уроки актерского мастерства. Но было поздно: тот уже усвоил все, что могли дать отец и окружение. Гитри-старший согласился принять сына в труппу, но при условии, что тот будет выступать под псевдонимом. Саша это не смутило — он без колебаний согласился. Тем не менее Люсьен и Саша постоянно ссорились, ибо любили друг друга, как настоящие актеры — до смерти. А после очередной ссоры расстались и не разговаривали 13 лет. Официально — из-за того, что Гитри-младший забыл надеть парик перед выходом на сцену и был вынужден заплатить за непрофессиональное поведение штраф в 100 франков. Неофициально — потому что он стал любовником актрисы Шарлотты Лизе, которая до этого неосмотрительно прошла мимо постели Гитри-старшего (у кошек не принято заходить на чужую территорию). В 1918 году они помирились; официально — потому что Саша написал и поставил пьесу "Дебюро", историю знаменитого мима, где, по сюжету, отец передает сыну свое искусство, а неофициально — из-за того, что Саша порвал с Шарлоттой Лизе...

С тех пор Старший и Младший не расставались. Чем более знаменитым становился сын, тем с большим усердием он выдвигал на авансцену отцовскую фигуру. Саша написал для Люсьена "Пастера" и "Комедианта", а также сыграл вместе с ним в пьесе с символическим названием "Мой отец был прав". В конце концов предок ушел на небеса, оставив потомку свою славу, свои долги и свой дом, в котором Саша жил долго и в целом счастливо. Судьбе было угодно, чтобы сын так и не стал отцом ("если бы Гитри стало трое, моим коллегам вообще нечего было бы делать!") и тень отца преследовала сына всю жизнь.

Саша мечтал стать равным Люсьену на сцене. Но отец был трагиком, а сын — комедиантом. Его первые сценические эскизы были, по свидетельствам современников, ужасны, и зал смеялся до колик, когда новоявленный актер рвал страсть в клочья.

Но Саша был актером в душе, ибо все его герои — и Дебюро, и Дезире, и Пастер, и оба Наполеона (Первый и Третий) — прежде всего он сам. Дитя балов, начинающий актер, выступавший на сцене под псевдонимом Лорси, Саша испытал сильное влияние клоунов и мимов, и если взглянуть в многочисленные фотографии ранних сценических героев Гитри, нельзя не поразиться его вкусу к ненатуральному: грим, парики, костюмы, жесты, куляция... Но если первый успех пришел к нему благодаря бульварным персонажам, то с возрастом Саша обрел значительность и глубину. В этом отношении Гитри-актер шел по пути, проторенному Гитри-автором, и сравнение с Мольером, которым злоупотребляли его современники, не кажется натянутым.

Только раз в жизни Гитри сыграл настоящего злодея (в пьесе "Малибран"), но его любимой актерской композицией была сцена, когда с героя срывается маска; да и почти во всех его фильмах прослеживаются шизофренические нотки. Церемониймейстер и обольстительный маэстро сцены, он всегда одновременно персонаж и рассказчик; и что бы ни говорили о его игре, забыть ее невозможно: в памяти остается его голос, его лицо, его непревзойденное искусство ронять неожиданные остроты, всегда попадающие в яблочко. Даже будучи большим, лишившись способности ходить, он продолжал играть: на премьеру фильма "Если бы Париж нам рассказал" его доставили в кресле-каталке. И в заключение всех дифирамб нельзя не вспомнить слова Мишеля Симона, антигероя "Отравы" (1951) и "Жизни честного человека" (1953) — не его ли устами Гитри дал самое прекрасное определение того, что есть актер: "Вы обладаете способностью заставить других разделить с вами чувства, которых сами не испытываете".

В фильме "Роман мошеника"

Ему было 16 лет, когда театр принял к постановке его первую пьесу. Устав быть плохим актером, Саша Гитри вспомнил, что вырос в литературном салоне: отцовский дом постоянно посещали Альфонс Алле, Альфред Жарри, Тристан Бернар, Октав Мирбо, Жорж Фейдо. В 1902 году с помощью сочинителя бульварных пьес Франсиса де Круасе и некоей Маргерит Деваль ("скорее примадонночки, чем лицедейки") Гитри смог поставить "Пажа" в театре "Матюрен". В 1906 году "Ноно" делает его модным автором (в 21 год!), и отныне он становится королем парижской сцены, сочиняя без перерыва. Герой бульвара, он также пишет для Комеди-Франсез, которая заказывает ему пьесу "Два прибора".

Считается, что в 20-е годы Саша испытал сильное влияние движения дадаистов, однако точно это утверждать невозможно: слишком многое делалось и говорилось напоказ. Еще в 1908 году, например, он организовал в театре "Капюсин" конференцию по... бирманскому искусству, в котором, разумеется, ничего не смыслил.

До того дня, когда в Гитри проснулся кинематографист, он творил исключительно для театра. Чтобы представить себе его невероятную продуктивность за четыре года, предшествующих приходу в кино (1930-34), отметим, что он написал и поставил пять музыкальных комедий, шесть исторических пьес, одну драму и одиннадцать комедий! А чтобы понять масштабы его парижской славы, необходимо знать, что за этот же период 18 его пьес были поставлены другими режиссерами и большинство его успешных театральных произведений обрело вторую жизнь на экране — "Дезире", "Кадриль", "Помечтаем", "Пастер" и др. Мало-помалу от водевиля драматург перешел к биографиям знаменитостей (Моцарт, Линдберг, Люлли, Куртелен, Малибран и Бомарше), прежде чем снова обратить взор на комедии нравов, но уже в более меланхоличном стиле. К тому же Саша-писатель — автор десятков текстов для конференций, статей, писем и

романа. Да, романа. Одно-единственного. "Мемуары мошеника", которые он перенес на экран под названием "Роман мошеника". Этот колоссальный труд Гитри долго воспринимался пренебрежительно, хотя еще тогда, в 1919 году один из собратьев по

произведений маэстро "театром, запечатленным на пленке". Это по крайней мере несправедливо по отношению к фильмам, снятым по оригинальным сценариям.

Однако Гитри поначалу действительно был яростным противником кино. Для него это был "спектакль без жизни, законсерви-

Год 1996 во Франции называют "годом Гитри". Имя Гитри — режиссера, драматурга, актера — встречается на афишах фильмов, телепостановок, в журналах, на искусствоведческих конференциях. С начала года во французский прокат вышло несколько фильмов, переосмысляющих творческое наследие Гитри: "Дезире" с Бельмондо, Беатрис Далль и Фанни Ардан (новая версия пьесы Гитри 30-х годов); "Бомарше" Эдуарда Молинару по сценарию Гитри, который он не успел поставить; в мае телекомпания Canal+ показала телефильм "Помечтаем" с Пьером Ардити и Доминик Блан; только что закончены съемки "Комедианта" с Мишелем Серро, Шарлем Азнавуром и Марией де Медейрос; Валери Лемерсье собирается снимать "Кадриль"; а Роже Вадим завершает работу над новой киноверсией пьесы "Мой отец был прав" с Клодом Ришем и Мари-Кристин Барро.

На волне беспрецедентного интереса к творчеству Саша Гитри "ЭС" перепечатывает из французского журнала Studio Magazine эссе Дени Парана о том, кого при жизни величали "человеком эпохи Ренессанса, который жил в XX веке".

Девять жизней

Саша ГИТРИ

Экран и сцена. — 1996. — 1-15 авг. — с. 8-9.

В фильме "Желаю удачи" (1935) с Жаклин Делюбак

ру, и не самый худший — Поль Лэото — справедливо заметил: "Никогда еще Саша Гитри не был столь на высоте своего драматического таланта. В нем есть все: простота, естественность, изобретательность, правдивость, ясность, чувственность, душевность, эмоциональность, зоркость, постоянное стремление к обновлению и мастерское владение языком..."

Фильм "Роман мошеника" входит в число десяти произведений, которые оказали на меня наибольшее влияние во времена моей юности". Эти слова принадлежат Алену Рене. Орсон Уэллс также рассыпался в похвалах кинематографу Гитри (он снялся у него дважды — в 1953 году в фильме "Если бы Версаль мне рассказал" в роли Бенджамина Франклина и год спустя в "Наполеоне"). Авторы новой волны, в особенности Франсуа Трюффо, охотно признавали влияние кинематографа Гитри на их творчество. Тем не менее даже сегодня большая часть критиков считает тридцать полнометраж-

рованный театр... Здесь никогда не говорят "актер играет", всегда — "он сыграл".

Тем не менее Гитри восхищается Чаплином и быстро осознает документальную ценность кино. В 1915 году он снимает несколько портретов великих художников своего времени: Родена, Ростана, Сен-Санса, Огюста Ренуара и Сары Бернар — которые представляют под многозначительным заголовком "Среди нас". Первая попытка играть в Лояльного Мсье Синема не удается: в 1917 году, уступив настояниям продюсеров, он соглашается написать и сыграть в "Романе о любви и приключениях", который ставят Рене Эрвиль и Луи Меркантон, но результат оказывается отвратительным, и Гитри удаивается пыл своей антикинематографической кампании. Только звуковое кино постепенно заставляет его снова обратить свой взор на новый медиум. В 1931 году он уступает права на кинопостановку одной из своих пьес "Белое и черное", которую ставят Роберт Флори и Марк Аллегре, и именно